XII 1978

2 3 9

ТУ 19-32-73

6

2

студия
ДИАФИЛЬМ

ЦАРЬ-ПУШКА
И
ЦАРЬ-КОЛОКОЛ

Я хочу рассказать вам о двух вещах. О двух громадных вещах тонкой московской работы, которым до сих пор удивляется весь мир. Вот они стоят на постаментах в Московском Кремле.

Это—Царь-колокол—«колокол всех колоколов»—самый большой колокол в мире. Он весит почти 200 тонн—12 тысяч пудов.

А это — Царь-пушка. Она старше колокола примерно на полтораста лет. Весит 40 тонн — немного меньше двух с половиной тысяч пудов.

С Царь-пушки и начнётся наш рассказ. Как вы думаете, почему эту пушку зовут «Царь»? Потому, что она самая большая? Она и правда одна из самых больших в мире. Её калибр (внутренний диаметр ствола)— 89 сантиметров.

Но дело не в этом (вернее—не только в этом). Пушку назвали «Царь», как было принято в старину, потому, что на ней изображён царь. Русский царь Фёдор Иванович на коне.

В те времена на каждой отлитой из бронзы пушке было какое-нибудь изображение, по которому её и называли: «Скорпион», «Обезьяна», «Медведь». Эти пушки тоже дожили до наших дней. Вот они стоят у кремлёвского Арсенала.

Лили пушки в Москве на «Государственном Пушечном дворе», который стоял там, где теперь находится универмаг «Детский мир».

Отливать из бронзы крупные изделия—такие, как колокола или пушки, в те времена было совсем не просто. Прежде всего требовалось рассчитать калибр и длину ствола пушки в зависимости от того, каким ядром и как она должна была стрелять.

Затем по этому расчёту из воска и глины делали модель пушки в натуральную величину.

Пушечный мастер должен был иметь не только знания и опыт инженера, но и талант художника.
Он украшал пушку фигурами и богатым орнаментом — «виноградом», как его называли.
11

Модель много раз обмазывали глиной, подсушивая её, пока не получалось толстостенной глиняной формы.

Тогда модель удаляли, вытапливая её восковые части, вынимая глиняные. И в форму заливали расплавленный металл. При таком способе литья по каждой модели можно было отлить только одну пушку. Для следующей приходилось всё начинать сначала.

И каждая пушка была в чём-то неповторима, непохожа на другие. Не потому ли давали им имена? Не потому ли мастер зачастую помещал на пушке и своё имя, и, конечно, имя московского государя, при котором он работал. Вот что вылито на Царь-пушке:

«Повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Федора Ивановича Государя самодержца всея великия Росия. При его благочестивой и христолюбивой царице и великой княгине Ирине. Слита бысть сия пушка в преименитом царствующем граде Москве лета 7094 в третье лето государства его. Делал пушку пушечной литец Ондрей Чохов».

Андрей Чохов. Кто он такой? Мы знаем о нём не так уж мало.
Не одна пушка несёт на себе гордое имя Андрея Чохова.

Первая отлита в 1568 году. Андрей был тогда ещё учеником.
Царь-пушку он сделал в 1586 году.

Последняя известная нам пушка Чохова помечена 1632 годом. Значит, Андрей Чохов проработал на Московском пушечном дворе не меньше шестидесяти четырёх лет—с ранней юности до глубокой старости. Наверное, если бы собрать все чоховские пушки, не хватило бы места на старом Пушечном дворе!

Но пушка «Царь» — самая знаменитая, самая большая. Такая большая, что многие сомневаются: могла ли она стрелять? Ведь чтобы выстрелить этаким чугунным «царь-ядром», нужен немалый заряд пороха. Не отбросит ли пушку при выстреле со страшной силой назад? Не разорвёт ли?

Но опасения напрасны. Этот лафет и эти ядра сделаны лет на 250 позже пушки. Они, как говорят, декоративные. Царь-пушка была мортирой, то есть предназначалась для стрельбы по крутой траектории (как тогда говорили—«вверх») через крепостные стены, на большие расстояния. И не одним огромным ядром, а множеством маленьких («дробом»). Тогда не нужно было так много взрывчатки. Мортиру не ставили на колёса, а закрепляли неподвижно в земле или на постаменте.

Царь-пушка стояла когда-то на Красной площади и была обращена за Москву-реку, чтобы поражать противника на подступах к городу (где-то за теперешними Добрынинской и Октябрьской площадями), стреляя через всю тогдашнюю Москву. Когда сняли Царь-пушку с этой позиции, мы в точности не знаем.

В 1825 году она находилась в числе других орудий во дворе Кремлёвского арсенала. Но в 1835 году решено было выставить это дивное произведение московского мастера для всеобщего обозрения на Ивановской площади Кремля. Тогда-то и заказали для неё декоративные ядра и лафет на петербургском чугунолитейном заводе.

Здесь Царь-пушка простояла более 130 лет как символ мощи русского оружия. Но вот, на месте старых зданий в Кремле, началось строительство Дворца Съездов.

Пушку надо было переставить. Шутка сказать! Сорок тонн, а с лафетом—и больше! Мощные гидравлические домкраты подняли пушку вместе с лафетом с постамента, её поставили на полозья, прикрутили канатами и водрузили на стотонный автоприцеп. Мощный панелевоз ЯАЗ повёз Царь-пушку на новое место, совершив предварительно «круг почёта» по Ивановской площади Кремля.

Посмотрим теперь повнимательнее на «соседа» Царь-пушки — Царь-колокол.

Оказывается, на нём тоже изображены высокие особы: царь Алексей Михайлович, императрица Анна Ивановна.

Вернёмся почти на два с половиной столетия назад. Тревожное это было время. Недавно в Москве умер от оспы юный император Петр II, внук Петра I. Воспользовавшись этим, дворяне—члены Верховного Тайного совета—попытались ограничить царскую власть.

Они призвали на престол Анну, дочь Ивана V, бывшего когда-то соправителем Петра I. Анна—в ту пору захудалая Курляндская герцогиня—легко согласилась подписать грамоту, ограничивавшую её права, лишь бы занять престол. Но, прежде чем короноваться по древнему обычаю в Москве, в Успенском соборе, новая императрица разорвала эту грамоту.

Для России наступили тяжёлые времена: фактическим правителем страны стал фаворит Анны курляндец Бирон.

Чтобы не обострять обстановки, Анна решила проявить себя ревнительницей православия. Она велела отлить небывалой величины колокол. Лет за тридцать до того, при пожаре, был повреждён огромный колокол, весивший восемь тысяч пудов. Анна приказала, чтобы новый весил десять тысяч.

Отлить колокол ещё труднее, чем пушку: нужно, чтобы он не только был крепкий и красивый, но чтобы он и звенел красиво. О том, чтобы поручить такое дело русскому мастеру, правительство и не думало. Самому инженер-генералу Миниху велели поискать кого-нибудь за границей.

В Париже Миних заказал проект колокола знаменитому Жерменю, королевскому золотых дел мастеру и члену Академии наук, «который,—как писал Миних,—по сей части преискуснейшим считается механиком. Сей художник удивился, когда я объявил ему о весе колокола, и сначала думал, что я шутил».

А надо вам сказать, что Миних ещё преуменьшил вес колокола, назвав девять, а не десять тысяч пудов. В конце концов Жермень сделал проект колокола, но только на восемь тысяч пудов, каков был и старый колокол. Миних, довольный, вернулся в Россию.

Московский Пушечный двор и в XVIII веке был важным центром литейного дела. Там лили не только грозные пушки, но и мирные колокола.

Среди его работников был «артиллерийских дел колокольный мастер» Иван Фёдоров сын Моторин. Он и взялся вместе со своим сыном Михаилом, помощниками Гаврилой Смирновым и Андреем Маляровым лить колокол небывалой до тех пор в мире величины.

Моторины были потомственные литейщики. Их предок работал на Пушечном дворе ещё при Чохове. Проект академика Жерменя они забраковали: стенки колокола получались слишком толстыми, отчего он имел бы глуховатый звук. Моторины взялись сделать колокол, стенки которого будут тоньше, но размер ещё больше, а вес—десять тысяч пудов.

Царские чиновники с этим согласились: ведь таково было и первоначальное задание. Но такой большой колокол не потащишь через весь город—надо было лить его там, где собирались повесить—у главной московской звонницы в Кремле, возле самого Ивана Великого.

Форму для колокола делали так же, как и для пушки: по восковой модели. Только модель была ещё огромнее. Работали в специально вырытой яме, чтобы легче было потом заливать металл. Над ямой устроили плавильные печи.

Работали днём и ночью, но царская канцелярия задерживала жалование, «от чего,—писал Моторин,—в пропитании моём претерпеваю немалую нужду и скудость».

Наконец форма была готова. Но из чего же отливали Царь-колокол? Откуда взяли такое огромное количество металла? Конечно, прежде всего в дело пошли обломки старого колокола — ни много ни мало — восемь тысяч пудов бронзы.

К ним прибавили ещё больше трёх с половиной тысяч пудов красной меди, почти три тысячи пудов лома других старых колоколов, тысячу пудов прутового олова и даже сорок пудов старых медных монет. Всего около пятнадцати тысяч пудов меди и олова (ведь бронза—сплав этих металлов). При тогдашней технике нужно было предусмотреть большие потери.

Вот начали действовать все четыре печи. По каналам потекла уже в форму бронза. Но через два дня две печи вышли из строя, ещё через день отказала третья печь. Литьё пришлось прекратить. От возникшего пожара едва спасли саму форму.

Это было в ноябре 1734 года. На год работы были приостановлены, а когда Анна вновь приказала отлить колокол, Ивана Моторина уже не было в живых.

Работу продолжали Михаил Моторин, Гавриил Смирнов и Андрей Маляров. В ноябре 1735 года колокол наконец был отлит. Но это было, как говорится, только полдела. Следовало ещё поднять его на звонницу, а весил Царь-колокол даже не десять, как было задумано, а двенадцать тысяч пудов.

Полтора года оставался он в яме, в которой был отлит. Уже построили леса для его подъёма, когда в Кремле вспыхнул пожар. Загорелись и эти леса. Колокол мог снова расплавиться.

Раскалённый колокол стали поливать водой, чтобы спасти его. От резкого охлаждения он весь растрескался, и от него отскочил «маленький кусочек» весом... около семисот пудов (больше одиннадцати тонн). Так Царь-колокол и остался в яме.

Прошло ещё более ста лет, прежде чем колокол всё же вынули из ямы. Царствовал тогда Николай I, приходившийся Анне двоюродным правнуком. Он поручил поднять Царь-колокол знаменитому инженеру Монферрану—строителю Исаакиевского собора в Петербурге.

Монферран разработал проект, по которому колокол подняли с помощью сложной системы лебёдок и блоков и поставили на заранее подготовленный постамент. На это зрелище собралось много народа.

С тех пор Царь-колокол стоит на своём постаменте у кремлёвской звонницы как памятник высокого мастерства русских литейщиков. И никогда нет недостатка в желающих полюбоваться шедеврами московских мастеров—Царь-колоколом и Царь-пушкой.

КОНЕЦ

Сценарий М. Рабиновича
Рисунки О. Новозонова
Редактор Н. Мартынова
Художественный редактор А. Морозов

Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1974 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., д. № 7

Цветной 0-30 Д-003-75